

Остаемся,
чтобы
бороться

М Ю Н Х Е Н

1956

**ОСТАЕМСЯ,
ЧТОБЫ БОРОТЬСЯ**

М Ю Н Х Е Н

1 9 5 6

Редактор и издатель: Авторская группа.

ОТ АВТОРСКОЙ ГРУППЫ

Настоящая брошюра не является ответом, адресованным берлинскому «Комитету за возвращение на Родину». Мы не имели и не имеем намерения обращаться к нему с каким бы то ни было словом. Наша скромная задача заключалась в том, чтобы выразить мысли и чувства, которыми проникнуто преобладающее число эмигрантов в связи с созданием этого комитета и в связи со всей акцией за возвращение, которую мы рассматриваем как легализацию советской подрывной работы среди эмиграции.

Наше слово обращено в сущности к свободному миру, которому мы стремимся объяснить почему мы категорически отказываемся возвращаться на родину, несмотря на объявленную амнистию и многократные призывы со стороны советского правительства.

Авторская группа

Мюнхен, 1956 г.

1. ПОЛИТИКА МОЛЧАНИЯ НАРУШЕНА

Более восьми месяцев советская центральная печать замалчивала о важнейшей акции, которую советское правительство проводит в настоящее время. Еще первого апреля 1955 года в Берлине создан комитет «За возвращение на Родину» и вместе с ним начато издание одноименной газеты, а спустя некоторое время организованы и специальные радиопередачи.

Официально этот комитет назван частной организацией. Во всяком случае в своем обращении и в многочисленных материалах, напечатанных за это время, комитет сам себя именовал организацией, возникшей по частной инициативе и получившей разрешение на свою деятельность от двух правительств — СССР и ГДР. Поводом к возникновению такой совершенно необычной организации якобы явилось искреннее желание некоторых лиц помочь своим соотечественникам, находящимся на чужбине, снова вернуться на родину.

Нет необходимости много говорить, насколько курьезно и совершенно неправдоподобно выглядит такая официальная информация. Ведь каждый знает, что в советских условиях совершенно исключена возможность возникновения даже мелких частных хозяйственных предприятий и учреж-

дений, не говоря уже о каком бы то ни было функциональном аппарате. Заявление же, что в Советском Союзе может существовать частная организация, занимающаяся важным общегосударственным делом, разумеется, можно отнести только за счет совершенно исключительной фальши и хитроумных маскировок, какие присущи всей внешней и внутренней политике ЦК КПСС.

Вероятно и само советское руководство отлично понимало всю нелепость такого объяснения и потому внутри страны о создании комитета промелькнуло лишь краткое информационное сообщение, помещенное на задворках центральных газет. Гораздо более широкое освещение получил указ об амнистии, принятый 17 сентября 1955 года. Однако это постановление Верховного Совета получило окраску милостивого правительственного манифеста, возникшего совершенно независимо от создания в Берлине специального комитета, который призывал «грешных и праведных» вернуться на родную землю.

Политика замалчивания имела свои причины. Особенно широко рекламировать новую организацию и заодно новую акцию было несколько неуместно там, где многие сотни тысяч людей, даже помимо своей воли очутившихся вне Советского Союза, впоследствии были осуждены и сосланы в советские концлагери. В памяти людей еще свежи были репрессии, которые применялись по отношению к репатриированным в свое время советским гражданам. Заявить теперь, что любой эмигрант может вернуться на родину и сразу же получить работу, жилище и все необходимые условия для жизни — было просто нелогично. Только после опубликования указа об амнистии появились основания широко огласить названную акцию.

Таким образом запрет, наложенный на сообщение о берлинском комитете «За возвращение на Родину», был снят.

Первого декабря 1955 года «Известия» поместили большую статью Е. Пральникова «Принципы гуманности и свободы личности должны соблюдаться». Статья преследовала несколько целей, но в основном касалась берлинского комитета. Уже первые строки ее свидетельствуют об этом:

«В Берлине, у входа в дом № 65, по улице Беренштрассе, в апреле этого года появилась табличка с надписью: «Комитет за возвращение на Родину». Ежедневно почтальоны доставляют сюда большие стопки писем со штемпелями почти всех стран мира».

Так, в стиле литературного очерка, имеющего якобы своей целью дать только описание названной организации, начинается эта статья. Впервые за восемь месяцев советский официальный выступил с обширным материалом, знакомящим советских граждан с «частным» комитетом, который будто из гуманных побуждений содействует «несчастливым эмигрантам» вернуться на родину.

Нынешнее коллективное руководство СССР из всех сил старается играть роль миролюбивого правительства, которое стремится к миру во всем мире и которое будто готово идти на любые уступки, лишь бы обеспечить мирное процветание всех стран и народов. С этой целью, особенно в последнее полугодие, предпринят ряд визитов и приемов, преследующих одну и ту же задачу — установить добрососедские отношения со всеми странами мира. Об этом много раз заявляют сами руководители Советского Союза и щедро дарят улыбки представителям разных стран и правительств. В этом смысле особенную актуальность приобрел новый термин — «сосуществование», так широко популяризируемый советским правительством. По той же причине советская центральная печать столь многословно и очень часто говорит о «духе Женевы», который якобы всемерно поддерживается коммунистическим руководством, встречая противодействие только со стороны «некоторых агрессивных капиталистических стран» (имеются в виду в первую очередь, конечно, США и Англия).

В многообразной и обильной серии материалов, предназначенных для создания благоприятного мнения о советском руководстве, довольно значительное место занимают материалы, посвященные указу об амнистии. Ведь тут правительство выступает в роли милостивой и всепрощающей власти, руководствующейся в своих действиях принципами гуманности. Понятно, что вместе с этим большой смысл получает и освещение деятельности берлинского комитета.

Статья в газете «Известия» явилась только почином. Вслед за нею последовала целая серия материалов, посвященных этому же вопросу. Значительной была статья В. Каста «О проблеме «перемещенных лиц», напечатанная в журнале «Новое время», № 51 за 1955 год. «Литературная газета» в одном номере (за 22 декабря 1955 г.) поместила очерк «На чужбине» и заметку об иностранном легионе, касающуюся «перемещенных» лиц. В тот же день газета «Труд» напечатала большую статью М. Никитина «Кто и зачем задерживает советских перемещенных лиц».

По указке руководителей заговорило о «перемещенных лицах» и советское радиовещание. Чтобы призывы были наиболее доходчивыми, привлечены лучшие литературные силы. Например, 27 января 1956 года из киевской радиостанции было передано стихотворение известного украинского поэта Владимира Сосюры, являющееся в сущности обращением к эмигрантам вернуться домой.

Во всех статьях, очерках, заметках советская пресса изображала горькую судьбу людей, находящихся на чужбине и упрекала правительства западных стран, которые, по словам советской пропаганды, якобы, задерживают «перемещенных» лиц, не пускают их на родину.

2. КТО ЖЕ ЭТИ ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ ЛИЦА?

Такой вопрос задан и в названной статье Пральникова. Но предварительно автор говорит о том, как был создан берлинский комитет. По словам Пральникова он возник:

«...по инициативе советских людей, которые в прошлом сами были перемещенными лицами, на себе испытывали все тяготы жизни за границей, и теперь считают своим священным долгом оказать помощь соотечественникам, еще томящимся на чужбине».

Говоря же об этих лицах, автор статьи изображает их главным образом мирными советскими гражданами, насильственно вывезенными в Германию и по неизвестным причинам задерживаемыми впоследствии властями стран свободного мира. Эмигранты будто бы рвутся на родину, но «наемные банды хулиганов терроризируют, запугивают желающих вернуться на родину». Только поэтому, по заявлению газеты, на территории Германской Федеральной Республики до сих пор еще находятся свыше 100 тысяч советских граждан.

Кто же в действительности эти перемещенные лица?

Конечно, общеизвестен факт, что во время войны многие советские граждане были вывезены насильственным образом на работы в Германию. Но почти все, кто хотел вернуться на родину, сделали это при первой же возможности еще в 1945

году. Но речь идет не о них. Статья касается людей, которые такого желания не имеют.

Теперь уже всему миру известно, что во время принудительной репатриации советских граждан было очень много трагических случаев. Люди вскрывали себе вены, стрелялись, бросались под колеса паровозов, лишь бы не возвращаться домой. Известно, что население многотысячных лагерей категорически протестовало против репатриации и многие из этих людей жертвовали жизнью, чтобы сделать свое заявление более убедительным. История хранит кровавые страницы Платлинга, Лиенца, Кемптена и эти незабываемые страницы являются наилучшим свидетельством того, что огромная масса бывших советских граждан ни за что не желала возвращаться на поработленную родину.

Верно — контингент зарубежья разнообразен. Среди эмигрантов есть люди совершенно случайные, люди с уголовным прошлым и настоящим, люди, не имеющие твердых убеждений. Но это все же единицы. Наличие такой категории неизбежно в любой многочисленной людской среде. Об этих людях в данном случае много говорить не приходится. Зато все остальные представляют собой людей, решивших раз и навсегда порвать с системой насилия и не только порвать, но и, по мере сил и возможности, бороться с нею, ставя своей целью своим долгом — освобождение родины от этой системы.

На протяжении многих лет советская пропаганда изобретала самые унижительные клички для тех, кто в годы войны проявил отрицательное отношение к системе насилия. Они были названы «врагами народа», «изменниками», «подлыми предателями» и т. д. Соответственно такой квалификации люди безжалостно карались советской властью.

Но берлинский комитет изображает перемещенных лиц так, как ему выгодно. Радиостанция берлинского комитета 8 декабря 1955 г. передавала:

«Родина помнит о том, что многие ее сыны в тяжелые годы войны оказались за ее пределами; они попали в чужие руки и влечат полную тоски и горя жизнь на чужбине. Опутанные паутиной лжи, они потеряли надежду на возвращение в родные края. Меры, которые предприняло советское правительство в защиту наших граждан, проживающих на чужбине, открыли глаза нашим соотечественникам на действительные факты».

Во всех этих и подобных им высказываниях нет ни одного слова правды. Люди сознательно ушли на лишения, на отрыв от родины, лишь бы бороться за освобождение ее, а их избражают несчастными скитальцами, у которых нет иного желания, кроме одного — как можно скорее вернуться домой.

Решение остаться вне пределов СССР, конечно, не исключает любви к родине. Каждый человек, находящийся на чужбине, испытывает горькое и щемящее чувство от того, что вынужден жить в чужом краю. Допускаем даже, что среди вернувшихся могут быть и безупречные люди, которые приняли решение только потому, что не в силах справиться с чувством любви к родине.

Но любовь к родине выражается не только в желании возвратиться на родную землю. Борьба за ее освобождение от тоталитарного режима — вот действительная пламенная любовь ее сыновей!

Вскоре после опубликования упомянутой статьи в газете «Известия», радиостанция «Освобождение» по этому же поводу передавала (3. XII. 1955 г.) материал, говорящий о таких чувствах людей.

«Вряд ли есть что-либо более тяжелое для души и сердца, чем разлука с родиной, — вынужденное пребывание на чужбине, без возможностей, хотя бы время от времени побывать в местах, где родился и вырос, вновь встречать родных и друзей, оставленных на неведомо какое время... Тяжело, очень тяжело! Порой кажется, что не вынести дольше тяжести... да и не вынес бы, пошел бы в отчие края — будь что будет! Пусть враги, от которых ушел, казнят иль милуют, торжествуют, смеются: «Что дескать, смирился? Приполз на брюхе — милости просишь?»

В действительности такими настроениями и проникнуты люди, любящие родину, но в то же время совершенно неприемлимые по отношению к режиму, который поработил родную страну.

Газета и радиопередачи берлинского комитета, а теперь и центральная советская пресса, изображают существование людей на чужбине в самых мрачных красках:

«Как правило, советские перемещенные лица живут за границей в исключительно тяжелых условиях. Постоянную работу имеют только единицы, а подавляю-

щее большинство перебивается случайными заработками и влачит жалкое существование. Перемещенные лица ютятся в грязных, холодных, до предела населенных бараках или на «частных квартирах», в бункерах, в подвалах, полуразвалившихся хибарках».

Эта часть статьи также несколько не отвечает действительности. Эмигранты, правда, живут очень скромно, но совершенно не так, как это изображено. Большинство лагерей, в которых они пребывают, благоустроены, очень часто семьи имеют две—три комнаты и, наконец, даже те, которые вынуждены до поры до времени оставаться в бараках, не находятся в столь невероятно тяжелых материальных и жилищных условиях, как это пытается представить советская печать. Сгущение красок, конечно, вполне понятно. Надо же нарисовать настолько безрадостную картину жизни на чужбине, чтобы при сопоставлении ее с советскими условиями, последние могли выглядеть более привлекательными. Берлинский комитет не даром бесконечное число раз повторяет один и тот же лозунг, взятый из обращения, что «чужбина все равно, что мачеха злая, а отчизна — родная мать. Она поймет, простит каждого из своих детей».

3. ИГРА НА ПРИНЦИПАХ ГУМАННОСТИ

Но при всем этом показательно, что советская печать ни одним словом не обмолвилась о том, что у людей могут быть убеждения, заставляющие их остаться на чужой земле.

Советские журналисты из кожи лезут вон, выискивая как можно более трогательные волнующие слова, которые могут задеть самые больные струны человеческой души. Они применяют эти слова, зазывая людей возвратиться, и применяют их также, изображая в самых мрачных красках существование людей, находящихся в чужом краю.

Такой сердобольностью, конечно, неискренней, показной, проникнуты все статьи и очерки о перемещенных лицах.

Вместе с тем, как правило, советская пресса ведет игру на чувствах гуманности, в недостатке которой обвиняет правительства западных стран.

В качестве приманки советская пропаганда использует также осуждение коллективным руководством бывшего диктатора — Сталина. В газете «За возвращение на Родину» (№ 14, апрель 1956 г.) не случайно помещена статья «Почему культ личности чужд духу марксизма—ленинизма», перепечатанная из «Правды» (№ 88 за 1956 г.). Обвинения Сталина в отсутствии скромности и в «порочном методе руководства» в данном случае должны служить аргументами, что в СССР все изменилось и наступила новая пора.

Почти во всех материалах широко используются некоторые события международного характера. Например, большое место уделено соглашению между правительственными делегациями Германской Федеральной Республики и Советского Союза. Было подчеркнуто, что председатель Совета министров СССР Булганин сделал специальное заявление по вопросу о советских перемещенных гражданах, «задерживаемых в Западной Германии». По словам газеты, это заявление «находится в соответствии с принципами гуманности и свободы личности». «Известия» так писали:

«Судя по официальным заявлениям, правительство ГФР также считает, что принципы гуманности священны. Именно к чувствам гуманности советского народа апеллировал канцлер Аденауэр и министр иностранных дел фон Брентано, когда просили досрочно освободить немецких военных преступников, отбывавших наказание в Советском Союзе».

Советское правительство выставляет себя в этом случае поборником принципов гуманности.

Эти примеры, как нельзя лучше, свидетельствуют о том, что советское правительство ведет политику фальши и обмана. Система остается неизменной.

Попутно надо отметить, что даже в виде простого сопоставления нет никаких оснований связывать отправку военнопленных и пребывание политических эмигрантов за границей. Это явления совершенно различные, даже диаметрально противоположные, обусловленные разными причинами. На одной стороне — немцы. Были ли они или не были виноваты в тех преступлениях, в которых их обвиняют, но они являются пленными, попавшими в силу военных обстоятельств в руки противника и естественно стремящиеся во что бы то ни стало вернуться домой.

С другой стороны — люди, сознательно ушедшие из своей

страны, люди, поставившие своей целью бороться с режимом, установившимся на их родине. Тут дело совершенно иное. Люди из Советского Союза не желают мириться с коммунистическим строем и готовы отдать даже самое дорогое в жизни для того, чтобы этот строй свергнуть.

Какое может быть сравнение? Какие параллели можно провести между этими двумя совершенно различными категориями людей?

Каждая из этих категорий имеет свои особенности, свои стремления и, прежде всего, различное отношение к своему местопребыванию: одни хотят немедленно уйти, другие — за всякую цену остаться. В этом и заключается существенная разница между людьми, которых по «честному слову» Булганина должны репатриировать в Германию и теми, которые находятся в пределах Германии, но являются убежденными противниками большевистского режима.

Советское правительство умышленно делает вид, что никакой разницы между этими двумя категориями людей не существует.

Разве не так выглядит заявление Булганина, повторенное в статье Пральникова? «Известия» не случайно напоминают, что досрочно освобождая и репатрируя немецких «военных преступников», Булганин сказал:

«...мы надеемся, что правительство ГФР примет надлежащие меры и окажет свое содействие возвращению на родину советских перемещенных граждан».

Смысл его ясен: услуга за услугу. Правда, такие деловые напоминания сопровождаются в статье рассуждениями о принципах гуманности и свободы личности. Лицемерная игра на высоких человеческих понятиях ведется беззастенчивым образом. С овечьей кротостью, прикрываясь маской гуманности, советские руководители пытаются обезопасить себя от очень сильного противника, точнее — ликвидировать его.

Дело в том, что эмиграция из Советского Союза представляет собою многочисленную группу наиболее активных противников советского режима, причем противников, досконально знающих советскую действительность. Эти противники знают особенности системы, ее скрытые пружины, хорошо знакомы с отдельными участками хозяйственной и политической жизни страны, и, наконец, располагают огромной суммой фактов, дающих полную возможность анализировать многие явления и процессы, тщательно скрываемые коммунистическим режимом.

Все это делает зарубежье крайне опасным противником коммунистического руководства СССР. Кроме того, эмиграция оказывает свое влияние самым уже фактом своего существования: для миллионов советского населения эмиграция является примером живого протеста против системы насилия.

В свое время, т. е. в первые годы после войны, советское руководство пользовалось в целях ликвидации зарубежья другими методами. Тогда под видом репатриации штыками загоняли в эшелоны, направляющиеся непосредственно в концентрационные лагеря. Многие тысячи этих людей погибли в ссылках. Немало было расстреляно советскими карательными органами. Теперь же, когда к эмигрантам эти органы не могут приблизиться на расстояние револьверного выстрела, тактика изменилась. Советская пропаганда говорит о принципах гуманности и свободы человеческой личности, стремясь под таким благовидным предлогом получить в свои руки политических противников.

В последнее время советские руководители афишируют себя как миролюбивое и гуманное правительство. Политика улыбок, применяемая Хрущевым и Булганиным, приносит в отдельных случаях некоторые результаты: какая-то часть людей на Западе принимает лицемерное поведение за чистую монету.

Благодаря такой тактике советское руководство в последнее время создало для себя более или менее выгодное общественное мнение. Теми или иными путями оно сумело создать даже довольно значительную группу людей, сочувствующих Советскому Союзу. Среди этих людей есть лица, имеющие крупное имя, занимающие большое положение, пользующиеся в тех или иных кругах авторитетом. Но при всем этом существует зарубежье, которое в массе нельзя обмануть никакими уловками. Наоборот, эмиграция является наиболее тонким разоблачителем. Отсюда и рождаются стремления советского руководства во что бы то ни стало дезорганизовать ряды эмигрантов.

В своих методах фальши и обмана советские руководители довольно изобретательны. Придумали же они создать орган уловления эмигрантов под вывеской частной организации, причем действующей якобы под флагом гуманных принципов. Такая маскировка, разумеется, очень выгодна. С одной стороны она отгораживает берлинский комитет от его фактического хозяина — КГБ, с другой — освобождает этот комитет от каких бы то ни было гарантий по отношению к соблазненным людям.

Для каждого, знающего характер советской системы, безусловно ясно почему возникла и столь интенсивно проводится акция возвращения на родину. В зарубежной печати за короткое время существования берлинского комитета уже был опубликован целый ряд человеческих документов, определяющих смысл эмиграции. В своих письмах люди, ушедшие за границу, откровенно и совершенно искренне говорили о целях своего ухода.

Группа членов союза украинских журналистов, выступая на страницах специального бюллетеня «Ми ще повернемось», заявила, что:

«Мы всегда напоминаем общественности свободного Запада и его политическим деятелям о нашей жертвенной борьбе против врагов всего человечества — коммунизма».

Совсем недавно бывший лейтенант советской армии Е. Коваленко в своем открытом письме, адресованном главе берлинского комитета, генерал-майору Н. Ф. Михайлову, заявил, что:

«Меня и подобных мне родине прощать не приходится. Мы не совершили против нее ни одного проступка. Мы только ушли от ненавистного всему нашему народу коммунистического режима. Но, мы, ушедшие, этому режиму не простим ничего, как не простят ему и оставшиеся. Мы все — обвинители советской власти, и мы ничего не простим».

Подобных заявлений, появившихся в печати или неопубликованных есть очень много. В ответ на настойчивые призывы вернуться на свою отчизну, которая, по словам пропагандистов из берлинского комитета будто бы как родная мать прощает проступки и ошибки своих детей, — заявляют о своем категорическом отказе. Они говорят:

— Не спорим, родина — это мать. Правильно и то, что мать забыть нельзя, никогда нельзя потерять к ней чувства глубокой любви. Нельзя это чувство разменять на мелкие удобства и даже на значительные жизненные выгоды. Но мы слишком хорошо знаем систему, поработившую нашу родину и народы, находящиеся на ее территории. Мы добровольно остаемся теперь на чужбине, несмотря на соблазнительные обещания советского руководства. Мы даже не задумываем-

ся есть ли в них хоть доля правды или нет. И не страх стоит на нашем пути. Мы остаемся потому, что твердо приняли решение бороться и будем продолжать борьбу до последней возможности. Именно, вне Советского Союза для этой борьбы в нашем распоряжении свободное слово.

Пропагандисты из берлинского комитета пытаются убедить людей в том, будто на родине повеяло свежим ветром. Из их заявлений следует, что новое руководство чем-то значительным отличается от бывшего диктатора Сталина.

А кто же они — Хрущев, Булганин и другие? Разве не они являлись самыми близкими помощниками того же Сталина и наиболее рачительными исполнителями в проведении его жестоких мер? По сути они ничем не отличаются от своего предшественника. Иные методы, но цель одна. Хотя в настоящее время они пытаются создать о себе лучшее мнение среди населения поработанной страны и в глазах общественности свободного мира, но они остаются коммунистами, ярыми сторонниками существующего режима, людьми, которые грубой силой удерживают за собой власть. Касаясь даже широко популяризуемой амнистии, следует напомнить, что она не так уж милостива, как это представляет пропаганда берлинского комитета.

Из передач берлинской же радиостанции известно, что отдельных лиц, несмотря на чистосердечное раскаяние, советские судебные органы в соответствии со статьей указа осуждают и заключают в тюрьму. Очевидно явка с повинной не всем возвращенцам помогает.

Пусть и это неважно. Можно даже думать, что указ об амнистии имеет полную силу и сохранит ее на какой-то срок. Можно допустить, что в СССР действительно есть некоторые улучшения и послабления. Но при всем этом совершенно ясно, что кто бы из коммунистов не возглавлял советского правительства, система остается неизменной.

О ее неизменности убедительнее всего свидетельствует публичное заявление самого Хрущева.

Первого апреля 1956 года на состоявшемся совещании молодых строителей он выступил с большой речью, в которой угрожающе подчеркнул следующее:

«Враги надеются на то, что мы ослабим наши органы государственной безопасности. Нет, этого никогда не будет! Пролетарский меч должен всегда быть острым, всегда должен умело охранять завоевания революции, завоевания рабочего класса, завоевания трудового народа».

Эта фраза не оставляет сомнений в том, что советский режим после Сталина существенно не изменился. Все основные черты его, все характерные особенности сохранились. Категорическая форма, в какой Хрущев изложил свою мысль, подтверждает это положение полностью.

Одновременно это хрущевское заявление дает все основания считать, что некоторые красивые жесты советского правительства нисколько не говорят о повороте в сторону демократичности или гуманности — они насквозь фальшивы, сделаны только с целью обмануть народы СССР и мировое общественное мнение.

4. НО МЫ ВСЕ ЖЕ ВЕРНЕМСЯ

Правдивых человеческих документов, свидетельствующих об отношении зарубежья к советской акции «За возвращение на Родину», есть очень много. В них выражены чувства и мысли, близкие каждому, кто оставил родину, не желая мириться с коммунистическим строем.

В упомянутой раньше передаче радиостанции «Освобождение» (от 3 декабря 1955 г.) сказано, что:

«...слышится голос совести: не смеешь сдаваться! Не смеешь каяться, если не чувствуешь себя провинившимся перед Богом и людьми».

О тех же, кто не разделяет этого мнения, говорить незачем. Их явное и ничтожное меньшинство. Некоторые из них откликаются на зов комитета, приходят с повинной и отправляются на родину. В той же статье Е. Пральникова в качестве иллюстрации приведены высказывания одного из последних возвращенцев. В конце концов неважно являются ли эти высказывания действительно его словами или они сказаны им под чью-то диктовку. И в том и другом случае облик выступающего предстает во всем своем неприглядном виде. Они «рассказывают», что «работа» по задержанию советских граждан за границей делается руками многочисленных эмигрантских и националистических организаций, что она якобы финансируется иностранными разведками.

Лживость подобных утверждений очевидна для многих тысяч эмигрантов, никогда ничего общего не имевших с какой бы то ни было разведкой. Думается, что такое утверждение не может быть принято на веру даже большинством людей из Советского Союза, хотя они и не имеют представления о жизни зарубежья и о существующих эмигрантских организациях.

Во всяком случае все выступления, которые были переданы берлинской радиостанцией или напечатаны в газете комитета, говорят о том, как эта «частная» организация использует уловленных эмигрантов. Одновременно эти выступления показывают, что представляют собой эти люди, послушно выполняющие задания советских карательных органов. Имея о них представление, эмигрантская общественность не особенно скорбит об уходе их. Больше того — эмигрантская масса придерживается такого мнения: очень хорошо, что эти люди перекочевали на советскую сторону. Туда им и дорога. В связи с их уходом очищается и становится более здоровой зарубежная атмосфера.

В последние месяцы после визита Бундесканцлера д-ра Конрада Аденауэра в Москву, родились слухи о том, что теперь немецкое правительство может содействовать коммунистам в смысле принудительного возвращения бывших граждан Советского Союза. Но эти слухи вздорны. Еще 2 декабря 1955 года, выступая в прениях в Бундестаге, министр иностранных дел Германской Федеральной Республики фон Брентано дал официальный ответ по этому вопросу. Он заявил, что любой советский гражданин, проживающий в Западной Германии, может возвратиться на родину, если у него появится такое желание. Но это касается только лиц, изъявивших подобное желание. Принудительно же правительство ГФР кого бы то ни было из политических эмигрантов выселять не намерено. Принцип гуманности и свободы человеческой личности в свободной стране соблюдается. Бояться репатриации теперь нет никаких оснований. Времена Платлинга, Лиенца, Кемптена остались позади.

Сейчас большевистские правители настойчиво зовут эмигрантов. Мы знаем, что не исключена провокация, возможно даже насилие, но это не должно нас пугать и не пугает. Откликнуться на этот зов мы не имеем права. Лучше чем кто-либо иной мы знаем, что нас зовет не родина, не многомиллионный народ. Наоборот — родина видит в нас надежду на спасение.

Призывы, которые мы сегодня слышим, никак не исходят от родины, а только от той верхушки, которая стремится упорочить свое положение.

Но мы верим, что наступит час — и этот час недалек — когда система насилия рухнет. Тогда звать никого не придется.

Сегодня же все, кто действительно любит родину и жаждет видеть ее свободной, принимает пребывание на чужбине, как свой долг и продолжает упорную героическую борьбу.
